УДК 323.272(47+57)

В. В. Калашников

«В России двадцатого века» По страницам новой книги Р. Ш. Ганелина[1]

Представленная на суд читателя книга Р. Ш. Ганелина «В России двадцатого века» (М.: Новый хронограф, 2014) обозначена автором как «статьи разных лет». Книга разделена на две неравные по объему части: три четверти объема составляет первая часть «На пути к краху империи», одну четверть — вторая часть «Ученые и власть. Портреты и судьбы». Обе части читаются с неослабевающим интересом. Однако приоритет первой части по своей значимости для современной исторической науки очевиден. О ней и пойдет речь.

Отбор статей и характер их расположения сразу наводят на мысль, что автор предложил не просто сборник разных работ. Читателю представлен последовательный анализ важнейших узловых пунктов российской истории начала XX столетия: событий революции 1905 г. и Февральской революции 1917 г. Особенность анализа — акцент на *деятельность власти, оказавшейся перед альтернативой: реформы или революция*.

Книга открывается статьей «Политические уроки освободительного движения в оценке старейших царских бюрократов», написанной в 1991 г. В ней содержится тонкий анализ позиций, которые занимали министры и высшие сановники империи по вопросу о назревших реформах после событий 9 января 1905 г. Особое внимание автора привлекла майская записка группы старейших высших сановников, в которой был сделан критический обзор социально-политического развития империи начиная с эпохи Великих реформ Александра II. Автор приводит и комментирует вывод, сделанный сановниками: «Обзор

[1] Рафаил Шоломович Ганелин скончался 12 октября 2014 г. Статья поступила в редакцию журнала в августе 2014 г.

протекшего полустолетия служит в наших глазах неопровержимым доказательством, насколько смута, лишь поверхностно затронувшая Россию в 50-х годах прошлого столетия, глубже проникшая в разнообразные слои населения в 70-х годах, ныне пустила глубокие корни до самого сельского населения включительно» (с. 17).

Отметим, что этот «неопровержимый», по мнению сановников, вывод об углублении и расширении «смуты», воспринимавшийся как само собой разумеющийся читателями статьи в 1991 г., сейчас, в момент выхода книги, смотрится иначе. По сути, он выступает как аргумент в сегодняшнем споре с теми, кто склонен преуменьшать роль социально-экономических причин российских революций начала века и выводить их из злонамеренной пропаганды определенных кругов интеллигенции. И действительно, высших сановников империи трудно заподозрить в злонамеренной или некомпетентной оценке динамики социально-политического развития пореформенной России. И эта оценка была далеко не оптимистичной.

Автор статьи показывает противоречивую позицию сановников: признавая углубление «смуты» и необходимость реформ (направленных на решение крестьянского вопроса и преодоление недоверия земских деятелей к правительству), сановники стремились к «охранению основ». Выявляя это противоречие, автор тем самым ставит *вопрос о потенциале «охранительного реформаторства» в борьбе с нарастающей «смутой»*. В дальнейших статьях автор применительно к разным конкретным ситуациям предлагает ответ на этот вопрос, превращая его в центральный для своей книги.

Вторая статья «Идея национального своеобразия России в государственном реформаторстве начала XX века» по своей проблематике примыкает к первой и также выступает как заглавная. Написанная в 1997 г., она содержит уже направленную реакцию автора на ставшее сильным стремление к идеализации российской монархии: «Монархия, — пишет он, — была, согласно таким представлениям, воплощенной благодатью. Ее погубила революционная интеллигенция и этим обрекла Россию на ужасы большевизма». И далее автор с иронией обыгрывает названия двух известных фильмов С. Говорухина и напоминает, что слова «так жить нельзя» принадлежали С. Ю. Витте, который характеризовал ими отношение современников именно к дореволюционной России, к той, «которую мы потеряли».

Рассматривая проблему государственного реформаторства в начале минувшего века, автор отмечает, что важнейшим тормозом на пути реформ была уверенность царя и консервативных кругов в *национальном своеобразии* России, которое проявлялось *в «благодетельности самодержавия»*. Идею «особого пути» России навязывал сам царь, оправдывая им свой отказ от введения конституционного и парламентского строя как западных институтов, чуждых российской самобытности. Упрямство царя в этих вопросах сыграло важную роль в развертывании событий первой русской революции как волны протеста про-

тив старого строя, охватившего все слои общества. Автор так оценивает сложившуюся ситуацию: «Наступает такое время, когда продолжение политики бездействия или минимальных действий становится невозможным. Царствование Николая II подошло к такому рубежу, за которым ждать стало больше нельзя» (с. 23).

Ряд последующих статей раскрывают этот авторский тезис на основе анализа действий правительства накануне и в начале революции 1905 г.

Так, в статье о рабочем и социалистическом движении автор показывает, что многие царские чиновники не без оснований боялись реформ. Они опасались, что даже самые умеренные либеральные шаги будет иметь свою динамику и откроют путь радикальным силам в лице социалистического движения. И процесс преобразований, в котором реформаторы-либералы «видели альтернативу революции», мог «стать прологом к ней». В этой связи автор ставит принципиальный вопрос: «Означает ли это, что консерваторы, противники реформ <...> были правы?» И дает на него свой ответ применительно к проблеме альтернатив развития рабочего движения: «представляется, что *медленность, половинчатость реформаторства* стала причиной победы революционного, а не реформистского пути рабочего движения в противоположность тому, как это произошло в странах Запада» (с. 40).

В этой же статье показано, что одной из серьезных преград на пути «охранительного реформаторства» была позиция российских промышленников, которые отказывались видеть свою главную задачу в защите самодержавия. Промышленники отвергали предложения правительства удовлетворить часть экономических требований рабочих и тем снять остроту рабочего протеста. Более того, они заявляли, что экономические выступления пролетариата «являются крупным *политическим* движением, связанным с общим настроением русского общества», и присоединились к требованиям основных свобод, заявленным земскими и городскими деятелями (с. 43).

Эту же проблему автор рассматривает и в статьях, специально посвященных событиям 9 января 1905 г. «Кровавое воскресенье» автор рассматривает как результат и свидетельство провала гапоновщины, петербургской разновидности «*полицейского социализма*». При этом он дает глубокое определение сути «полицейского социализма» как попытки убедить рабочих в «надклассовом характере самодержавия», «придать классовой борьбе пролетариата лояльный по отношению к царизму характер, ограничив ее цели достижением некоторых уступок за счет предпринимателей» (с. 99).

Анализ причин январского расстрела автор завершил следующим выводом: «самодержавие применило такое средство борьбы за свою неприкосновенность, которое соответствовало его природе» (с. 108).

Природе самодержавия соответствовало и решение о разгоне первой Государственной Думы. Истории созыва и разгона первой Думы посвящено три статьи, среди которых выделяется своим обобщающим характером, лаконичным

изложением событий и точными оценками статья «Первая Государственная Дума Российской империи и ее судьба».

Автор показывает, что после краха надежд на возможность создать в Думе послушное большинство «дилемма правительственной политики» состояла в том, чтобы либо разогнать Думу, либо составить правительство с участием думских либералов. За второй путь выступал Д. Ф. Трепов, который вел переговоры с кадетами и делал царю доклады о необходимости «думского министерства» (с. 194). Автор склоняется к выводу о том, что переговоры по вопросу о «думском министерстве» для царя были лишь политическими маневрами. Поэтому усилия Д. Ф. Трепова оказались напрасны: царь был настроен на разгон Думы. Автор приводит важное мемуарное свидетельство императрицы-матери об отчаянии, охватившем царя после первой встречи с депутатами в Зимнем дворце перед открытием Думы. Они не выразили преданности и пиетета в отношении монарха. Царь плакал и говорил о Думе: «Я ее создал, и я ее уничтожу <...> так будет. Верьте мне».

В свете современных попыток идеализации П. А. Столыпина, заслуживают внимания страницы, посвященные его роли в разгоне первой Думы. Если премьер И. Л. Горемыкин боялся, что разгон Думы вызовет восстание, то недавно назначенный министр внутренних дел П. А. Столыпин сделал всё, чтобы убедить царя не следовать советам Трепова. Вероятно, что именно эта позиция Столыпина, совпадавшая с желаниями царя, побудила последнего назначить энергичного министра на пост премьера и поручить ему разгон Думы. Подводя итог истории первой Думы, автор отмечает, что «острая политическая схватка между первой Думой и царской властью оказала свое влияние на весь “думский период” истории царской России» (с. 214). И действительно, природа и потенциал «охранительного реформаторства» проявились в истории первой Думы в полной мере.

Сюжеты, связанные с историей революции 1905–1907 гг., завершает статья «Первая российская революция и государственные преобразования». Ее отличает четкая формулировка проблемы взаимосвязи *трех сторон* назревшего процесса реформ правового строя в России, перед которыми оказалось правительство: «Вопрос об установлении правового строя включал в себя созыв представительства, создание объединенного министерства и предоставление населению гражданских прав. <...> Введение объединенного правительства было не только необходимым условием сохранения государственности под натиском революции, но и неизбежным средством осуществления всех остальных преобразований. <...> Введение же народного представительства <...> оказывалось немыслимым без права собраний, предвыборной агитации и т.п.» (с. 224).

Автор показывает, что уже в ноябрьском (1904) докладе Святополка-Мирского царю фигурировала, хотя и «лишь в самой робкой форме», упомянутая триада (объединенное правительство, народное представительство и политические свободы), которая «с нараставшей определенностью характеризовала

собой последующие реформаторские проекты и принятые государственные акты» (с. 224).

Отметив, что связь между этими тремя направлениями государственно-преобразовательной деятельности проявляется во всех реформаторских актах 1905–1906 гг., автор тут же объясняет и причины ограниченности всех проектов реформ: «Политическая последовательность реформаторского направления в высшей бюрократической среде несомненна. Однако сущность убеждений сторонников неприкосновенности самодержавной формы правления и в особенности самого царя оставалась неизменной» (с. 223). В результате «перемены в жизни государства и общества, осуществленные царской властью, оказались исторически недостаточными...» (с. 215). Нельзя не признать точность оценки правительственного реформаторства в период первой революции.

***

Предыстория и история Февральской революции 1917 г. занимают доминирующее место в рецензируемой книге: им отведено почти 300 страниц текста. Эти сюжеты открываются статьей, посвященной анализу версии о стремлении определенных дворцовых кругов заключить сепаратный мир с Германией для предотвращения революции. Автор рассматривает версию в контексте проблемы «двух заговоров» и высказывает справедливое, на наш взгляд, мнение о том, что заключение сепаратного мира, как и дворцовый переворот, остались «предметом проблематичных и не слишком определенных планов». Ставя вопрос о возможности для царя заключить сепаратный мир с Германией, автор отмечает: независимо от того, насколько сильны были сепаратистские настроения при дворе, их носителям «было очень трудно разорвать цепь внутриполитических препятствий на пути к сепаратному миру. Чтобы добиться его и использовать в социально-умиротворительных целях, царской власти нужна была значительно большая сила и свобода рук внутри страны». Что касается вопроса о планах дворцового переворота, то, по мнению автора, оппозиционерам из числа буржуазных общественных деятелей и генералов планы заговора против царя «представлялись в условиях России слишком опасными для существовавшего общественного строя». Автор показывает отсутствие у правительства и либеральной оппозиции четкой программы выхода из углублявшегося общероссийского кризиса, что ставило на повестку дня революцию как способ его разрешения (с. 400).

Глубокий раскол в самой царской семье показан в изящно написанной статье об отношениях Николая II и его брата Михаила Александровича. Особый интерес представляют страницы, посвященные попытке великих князей воздействовать на царя в конце 1916 г. в отношении Распутина и связанных с ним министров. Автор приводит малоизвестный текст ноябрьского письма Михаила брату, в котором содержатся крайне тревожные оценки сложившейся

ситуации: «Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для нас всех и для России» (с. 425).

В статье «Государственная Дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года» показано, что ощущение приближающейся катастрофы осенью 1916 г. охватило все общественные слои. Представители разных слоев населения в своих письмах резко критиковали правительство и думцев за неспособность остановить ухудшение экономической и политической ситуации. Характерно приведенное письмо саратовского губернатора С. Д. Тверского, который сравнил ситуацию с 1905 г.: «Те же персонажи, те же слова с одной стороны и тот же паралич власти. <...> Опять звонкие резолюции о ненавистном правительстве и т.д. Ну, а дальше что? <...> Дальше опять скажет слово мужичок, или, вернее, сделает дело мужичок. Настроение прескверное. <...> На местах тоже вместо дела — наглое политиканство. Неужели уж нет у господ дворян здравого смысла? Увы — нет!». Подводя итог анализа перлюстрированной переписки, автор делает следующий вывод: «Все предвидели революцию, опасались социального взрыва, но надеялись, что его удастся избежать. Может быть, из-за этих надежд революция и оказалась неожиданной» (с. 441).

В статье «После Распутина» показана правительственная политика в декабре 1916 — феврале 1917 г., которая не предполагала каких-либо уступок оппозиции даже накануне революционного взрыва. Так, оказались безрезультатными февральские попытки М. В. Родзянко склонить царя к компромиссу. Столь же безрезультатными стали попытки председателя совета «объединенного дворянства» А. Д. Самарина и московского губернского предводителя дворянства П. А. Базилевского убедить царя назначить «правительство доверия» в духе постановления XII съезда объединенных дворянских обществ. Напротив, царь готовился распустить Думу и подавить народные выступления силой.

В статье «О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде» автор убедительно показывает, что революционный взрыв не был вызван направленными действиями каких-либо политических сил: «Не будет преувеличением считать, что происшедшее в Международный день работниц, в четверг 23 февраля, явилось неожиданностью для всех, включая представителей революционных организаций и демократов различного толка, да и оценено было сразу далеко не всеми» (с. 466). Подводя итог своему анализу, автор делает следующее заключение: «Хотелось бы надеяться, что на этом кончатся многолетние историографические злоключения вопроса о соотношении начал организованности и стихийности в происхождении и характере Февральской революции, который в советской, как, впрочем, в некоторой степени и в зарубежной литературе, ставился в связи с оценкой роли большевиков» (с. 473).

В дальнейших статьях автор на основе новых и малоизвестных источников реконструирует важнейшие события февральских дней, показывая действия

правительства, либеральной оппозиции и левых партий на фоне стихийно возникших массовых выступлений.

На основании мемуаров последнего царского министра иностранных дел Н. Н. Покровского из Бахметьевского архива автор показывает, что планы правительства не пошли дальше решения распустить Думу и предложить царю составить новый кабинет из числа царских сановников либерального толка, которые могли бы вызвать доверие у думских либералов. Однако и этот план уже в условиях начавшегося восстания солдат гарнизона был блокирован царем, который послал на Петроград отряд генерала Н. И. Иванова и запретил министрам старого правительства подавать в отставку (с. 485).

Опираясь на мемуары генерала К. И. Глобачева, последнего начальника Петроградского охранного отделения, автор приводит сведения о том, что в Царском селе, в окружении царицы все события в Питере воспринимали лишь как заранее подготовленный дворцовый переворот в пользу вел. кн. Михаила Александровича (с. 487).

Далее в ряде статей автор предлагает читателю *«поденное»* рассмотрение хода революционных событий в Петрограде.

В статье, посвященной анализу событий 23 февраля, автор отмечает их стихийный характер и связь с «хлебными затруднениями». При этом он делает следующее наблюдение: «подавляющее большинство оставивших свои свидетельства не участников, а *наблюдателей* Февральских событий, вовсе как бы не заметили того, что произошло в первый их день, или не придали этому значения». Ни в Думе, ни в Совете министров «дыхание начавшейся революции еще почти не ощущалось». Министр внутренних дел Протопопов «ни 23-го, ни даже 24-го не счел нужным сообщить о событиях в Петрограде ни царю в Могилев, ни царице в Царское село».

Реконструируя события 24 февраля, автор показывает более организованный характер рабочего протеста, отмечая, что уже с утра рабочие Выборгского и ряда других районов не приступали к работе и колоннами стали двигаться к центру города. Наряды казаков им фактически не препятствовали. Определяя настроение рабочих, автор подчеркивает, что в этот день «хлебная тема в сознании масс отходила на второй план, уступив место лозунгам чисто политического характера. Мысль о свержении самодержавия получала широкий, почти всеобщий отклик». В то же время автор показывает, что ни правительство, ни либералы, ни социалисты не оценивали события дня как начало революции. Власть полагала, что имеет дело с «хлебным бунтом», а левые видели в событиях удачные локальные выступления против тягот военного времени. Как писал большевик Шляпников, у ПК большевиков «было в моде» говорить «о стачке с трехдневным сроком». Автор отмечает, что демонстрации в этот день носили мирный характер. И власть не применяла оружие, хотя воинские части были уже приданы полиции.

Описывая события 25 февраля, автор отмечает немногочисленные случаи кровопролития, пассивность казаков и активность полиции, которой

не раз удавалось временно разгонять митинги и демонстрации. На этом фоне «25-го ясно определились отношения между рабочими, солдатами, казаками и полицией». Проявления казачьего нейтралитета, а то и сочувствия движению, позволило рабочим сделать вывод: «Казаки за нас». Одновременно «рабочие и, особенно, работницы начали обращаться с призывами о присоединении к стоявшим в строю солдатам. <...> поведение казаков уничтожило взаимную настороженность рабочих и солдат. Предметом их общей ненависти стали "фараоны" — чины полиции».

Касаясь позиции политических партий, автор отмечает, что большевистские руководители в этот день составили листовку, в которой выдвинули лозунг «Долой самодержавие», однако «были крайне осторожны в применении боевых средств борьбы, да и возможностей для этого они в сущности не имели. Шляпников боялся, что применение оружия рабочими могло бы «только спровоцировать какую-либо воинскую часть, дать повод властям натравливать солдат на рабочих». В борьбе за войско большевики проникали в казармы и агитировали там за присоединение к революционному народу.

Автор приводит свидетельства, которые показывают, что «буржуазные думцы были в растерянности и панике, а думские лидеры отнюдь не собирались <...> брать власть». Отмечает, что 25-го Дума не была центром движения, народ не шел к Таврическому дворцу.

Автор подчеркивает важную роль телеграммы, в которой царь приказывал Хабалову «завтра же прекратить в столице беспорядки». И подчеркивает, что вечером на совещании Хабалов и другие лица, ответственные за порядок в столице, «высказались за энергичное применение назавтра оружия».

В статье «26 февраля 1917 г. в Петрограде» детально описаны и проанализированы события этого воскресного дня, когда войска применили оружие против демонстрантов. Особое внимание уделено событиям на Знаменской площади и у Казанского собора, действиям солдат Волынского и Павловского полков. Автор отмечает, что стрельба солдат по демонстрантам вселила в правительство уверенность, что «беспорядки» будут подавлены. Настроение властей выразил градоначальник П. Л. Балк: «стрельба войск по толпам, даже умеренная, произвела на улицу столь подавляющее действие, что можно было с уверенностью ожидать на следующее утро переход к успокоению столицы». Однако настроение рабочих и солдат было противоречивым.

Автор заключает статью анализом позиции жандармского генерала А. И. Спиридовича, который отметил, что «применение ружейного огня против толпы... всегда производит сильное впечатление на солдат и офицеров». Именно поэтому 27-го февраля революция «приняла новую форму»: применение оружия привело «не к прекращению беспорядков, а к обращению их в солдатский бунт, а затем и во всеобщую революцию» (с. 602).

В следующей статье автор показывает усилия придворных кругов и великих князей в последний момент спасти царя путем составления манифеста об уста-

новлении конституционного строя и об учреждении ответственного правительства с Родзянко во главе. Предполагалось, что царь подпишет манифест по приезде в Царское Село из Ставки. Однако план был сорван уходом царского поезда во Псков. И тогда появился план подписания манифеста великими князьями, не дожидаясь царя. Это было сделано 1 марта, однако ситуация в Питере была уже такой, что Родзянко не решился обнародовать манифест, не содержавший пункта об отречении царя.

Иллюстрируя глубину понимания царем и царицей причин революции, автор отмечает, что Николай II и Александра Федоровна, устанавливая виновников свержения режима, ставили великих князей на первое место.

Рассмотренные в рецензии сюжеты не исчерпывают содержание книги. Однако и их вполне достаточно для того чтобы сделать вывод: читателю представлены результаты многолетнего труда крупного историка, без учета которых немыслимо понимание и дальнейшее изучение ключевых событий истории России начала XX в.

Собрав их в единую книгу, автор сделал подарок своим коллегам, сделав доступными статьи, написанные более чем за четверть века. Спасибо и тем, кто помог в издании книги. Жаль только, что она вышла ограниченным тиражом. Можно пожалеть и о том, что автор не сопроводил ее вступлением и заключением, в которых бы в сжатом виде сформулировал свою концепцию. Это было бы полезно для широкого круга читателей. Будем надеяться, что автор еще порадует нас такой работой.